

Жана Жене, хоть в том же «Преступлении и наказании» — чем не Раскольников? И даже не в том смысле, что отличный литератор, хотя господин Кейв является автором двух поэтических сборников и романа «И узре ослица Ангела Божия», который если и не шедевр, то по крайней мере написан не досуга ради, а по какой-то глущей внутренней необходимости. Просто Ник Кейв — один из немногих подлинных поэтов от рок-музыки. В этом смысле сравнить его можно разве что с великим Джимом Моррисоном. Я вовсе не хочу сказать, что музыка Bad Seeds, где помимо самого Кей-

ва играли такие выдающиеся музыканты, как Мик Харви и ныне ушедший из группы лидер Бликса Баргельд, — нечто второстепенное по отношению к текстам. Просто Ник Кейв, как и Моррисон, стал тем, кем были в другие эпохи Байрон или Рембо, — не авторами, но живыми воплощениями обжигающе нового высказывания, короче властителями дум.

Только, в отличие от Джима Моррисона или того же Рембо, Нику Кейву при этом удалось не умереть, а благополучно дожить до сорока семи лет — свой день рождения он, кстати, будет отмечать накануне своего

первого московского концерта. И хотя Кейв по-прежнему напоминает угловатого подростка и еще совсем недавно утверждал, что узенький черный костюм, в котором он появляется на сцене, — тот же, в котором он ходил на первое причастие, Ник Кейв давно достиг великолепной зрелости. Он не только успел благополучно изжить юношескую суицидальность, но даже заранее отрепетировал достойную старость — помните преждевременную отрешенность «Boatman's Call»? Теперь Ник Кейв может позволить себе все — даже пятнадцатиминутный рок-н-рольный угар «Babe I'm on

Fire». После этого на его новых альбомах — а в сентябре господин Кейв осчастливит публику сразу двумя новыми дисками, «Abattoir Blues» и «The Lyre of Orpheus», — можно ожидать чего угодно. Что это будет, выяснится на московских концертах в «Театре оперетты», где Ник Кейв выступит не со всеми Bad Seeds, а более камерным составом: со скрипачом Уорреном Эллисом, перкуссионистом Джимом Склауносом и гитаристом Мартином Кейси.

«Театр оперетты», 23 и 24 сентября (19.00).

Заказ билетов по телефонам

995 8052, 980 6680, 933 3200

«Музыка для меня — нечто физическое»

Накануне гастролей с **Ником Кейвом** в Лондоне встретился обозреватель «Коммерсантъ-Weekend» **Борис Барабанов.**

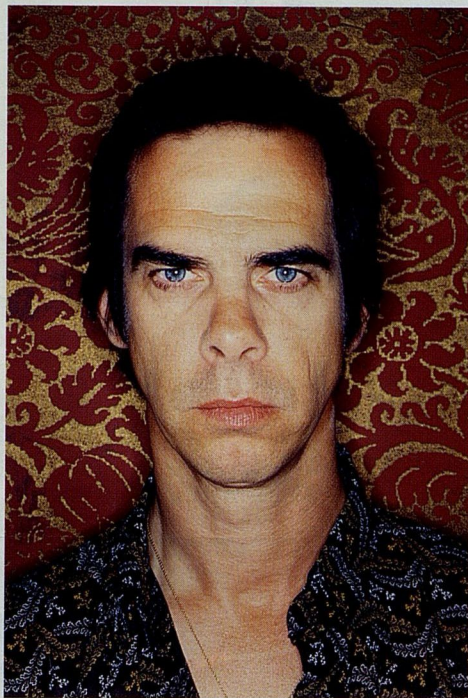
— Давайте поговорим о вашем новом альбоме — «Abattoir Blues / The Lyre of Orpheus».

— Для этой пластинки мы репетировали пару дней. Редкий случай, обычно The Bad Seeds сложно собрать на репетицию. Мы можем обойтись без репетиций, мы хорошо понимаем друг друга. Я даже нахожу особую красоту нашей музыки в том, что записи звучат так, будто это не отрепетированный материал. Музыка для меня — нечто физическое. Например, наш скрипач Уоррен Эллис решил использовать новый инструмент — ирландский базуки. Он подключил к нему звукоусилитель и пропустил звук через усилитель. Вместе с гитарой инструмент дал необычайно тяжелый, но в то же время деревянный, «перкуссионный» звук, который я никогда не слышал до этого.

— Уоррен Эллис приезжал недавно в Москву с Dirty Three. Это был горячий концерт, он бегал со скрипкой как угорелый по сцене. Я знаю, что он придет и сейчас, вместе с вашим составом.

В рамках этого бэнда он ведет себя поспокойнее?

— На концертах этого моего камерного состава может происходить что угодно. Я даже не знаю, что моя группа будет исполнять и как. И в этом заключается смысл — играть в зависимости от настроения. Мой маленький бэнд мобильнее The Bad Seeds, в которых больше ограничений просто потому, что больше участников, мы как бы сами себя записываем в определенную форму. А с маленькой группой мы можем в один вечер



сыграть песню деликатно и камерно, а на следующий вечер исполнить ее же очень агрессивно.

— Можно ли говорить о присутствии панковского настроения на «Abattoir Blues»?

— Ничего такого я там не вижу. Слово «панковский» мне сегодня нравится гораздо меньше, чем слово «могучий». Я слушаю весь этот новый «как-бы-панк-рок» и думаю: «Вот дерьмо!» Сейчас этот термин означает разбавленный рок-н-ролл, а не то, что я привык считать панком.

— Сейчас реально придумать что-либо новое в рок-музыке?

— Стремиться отличаться от других нужно в любом случае. Сейчас же ведь вся музыка делается в компьютере. Боссы рекорд-компаний даже настаивают, чтобы все пропусклось через компьютер. Есть там лажа или даже нет ее, все все равно вбивается в машину, сжимается, компрессируется, шлифуется. Молодые группы готовы к тому, что можно сыграть как угодно плохо — компьютерщики поправят. Ты пишешь музыку начерно, а потом приходишь в студию и слышишь «лучшую» версию и порой не узнаешь свои песни. Рок-музыка не должна быть дезинфицированной, дистиллированной, в ней должны быть «левые» ноты, должны быть ошибки. На моем лейбле Mute Records это понимают. Здесь все по старинке. Здесь верят музыкантам, а не машинам. А вот с компаниями, которые брались раскручивать The Bad Seeds в США, не все выходило так гладко. Здесь, в Англии, мы уже были хорошо известны, а в Америке только-только начинали о нас писать. И вот мы приезжали, а там — комнаты в гостиницах меньше, машины нам давали меньше, даже бутылки воды в приемных лейблов нам доставались меньше,

чем местным звездам. За нас брался какой-нибудь крупный американский лейбл: «Все, ребята, у вас начинается новая жизнь!» Потом шум быстро проходил, потому что мы никогда не могли делать что-либо по заказу. Мне не стыдно ни за одну песню, которую я спел, и «Murder Ballads», и коммерческий успех дуэта с Кайли — все это было по-честному. Но калькировать удачные идеи нам не хотелось. Контракт разрывался, и появлялись новые парни: «Не переживайте, с нами вы можете быть уверены, что теперь-то Америка будет у ваших ног!» И все повторялось сызнова. Теперь наконец мы нашли в США партнеров, которые думают так же, как мы, это компания Epitaph и лейбл Тома Уэйтса Anti. Их подход к делу нас устраивает полностью.

— Вы сами по-прежнему получаете удовольствие от выступлений на сцене?

— Когда я выхожу на сцену, что-то происходит внутри меня. Я становлюсь тем, кем всегда мечтал быть, с тех пор как был еще мальчишкой, тем, кем никогда не был на самом деле. В детстве я был застенчивым и неуклюжим, я был всегда недоволен своей внешностью. Когда концерт заканчивается, через три минуты я снова обычный человек. Многих даже разочаровывает то, что я живу обычной жизнью, хожу в офис, как все. Но то, что происходит со мной на сцене, это совсем другая жизнь. Причем это не тот стереотипный образ поп-звезды, sex, drugs & rock 'n' roll. Нет, это нечто совсем другое. Дело не только в том, что все девушки города твои, когда ты на сцене. Есть более глубокое чувство.

— Как скоро мы сможем прочитать вашу новую книгу?

— Я вынашиваю одну идею... Но, для того чтобы ее воплотить, мне понадобится два года.

Коммерсантъ Weekend - 2004 - 17 сент. с.30